

А. Н.
ОСТРОВСКИЙ

Annotation

Сцены из жизни захолустья в четырех действиях

- [Александр Николаевич Островский.](#)
 - [ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ](#)
 - [ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ](#)
 - [ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ](#)
 - [ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ](#)
-

Александр Николаевич Островский.
Поздняя любовь

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

Фелицата Антоновна Шаблова, хозяйка небольшого деревянного дома.

Герасим Порфирьич Маргаритов, адвокат из отставных чиновников, старик благообразной наружности.

Людмила, его дочь, немолодая девушка. Все движения ее скромные и медленные, одета очень чисто, но без претензий.

Дормедонт, младший сын Шабловой, в писарях у Маргаритова.

Онуфрий Потапыч Дороднов, купец средних лет.

Бедная, потемневшая от времени комната в доме Шабловой. На правой стороне (от зрителей) две узкие однопольные двери: ближайшая в комнату Людмилы, а следующая в комнату Шабловой; между дверями изразчатое зеркало голландской печи с топкой. В задней стене, к правому углу, дверь в комнату Маргаритова; в левом растворенная дверь в темную переднюю, в которой видно начало лестницы, ведущей в мезонин, где помещаются сыновья Шабловой. Между дверьми старинный комод с стеклянным шкафчиком для посуды. На левой стороне два небольших окна, в простенке между ними старинное зеркало, по сторонам которого две тусклые картинки в бумажных рамках; под зеркалом большой стол простого дерева. Мебель сборная: стулья разного вида и величины; с правой стороны, ближе к авансцене, старое полуободранное вольтеровское кресло. Осенние сумерки, в комнате темно.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Людмила выходит из своей комнаты, прислушивается и подходит к окну.

Потом Шаблова выходит из своей комнаты.

Шаблова (не видя Людмилы). Словно кто калиткой стукнул. Нет,

почудилось. Уж я очень уши-то насторожила. Экая погодка! В легоньком пальте теперь... ой-ой! Где-то мой сынок любезный погуливает? Ох, детки, детки – горе матушкино! Вот Васька, уж на что гуляющий кот, а и тот домой пришел.

Людмила. Пришел?... Разве пришел?

Шаблова. Ах, Людмила Герасимовна! Я вас и не вижу, стою тут да фантазирую сама промеж себя...

Людмила. Вы говорите, пришел?

Шаблова. Да вы кого же дожидаетесь-то?

Людмила. Я? Я никого. Я только слышала, что вы сказали: «пришел».

Шаблова. Это я тут свои мысли выражаю; в голове-то накупит, знаете... Погода, мол, такая, что даже мой Васька домой пришел. Сел на лежанку и так-то мурлычет, даже захлебывается; очень ему сказать-то хочется, что, мол, я дома, не беспокойтесь. Ну, разумеется, погрелся, поел, да опять ушел. Мужское дело, дома не удержишь. Да вот зверь, а и тот понимает, что надо домой побывать – понаведаться, как, мол, там; а сынок мой Николенька другие сутки пропадает.

Людмила. Как знать, какие дела у него?

Шаблова. Кому ж и знать, как не мне! Никаких у него делов нет, баклуши бьет.

Людмила. Он адвокатством занимается.

Шаблова. Да какое абвокатство! Было время, да прошло.

Людмила. Он хлопочет по делам какой-то дамы.

Шаблова. Да что ж, матушка, дама! Дама даме рознь. Ты погоди, я тебе все скажу. Учился он у меня хорошо, в новерситете курс кончил; и, как на грех, тут заведись эти новые суды! Записался он абвокатом, – пошли дела, и пошли, и пошли, огребай деньги лопатой. От того от самого, что вошел он в денежный купеческий круг. Сами знаете, с волками жить, по-волчьи выть, и начал он эту самую купеческую жизнь, что день в трактире, а ночь в клубе либо где. Само собою: удовольствие; человек же он горячий. Ну, им что? У них карманы толстые. А он барствовал да барствовал, а дела-то между рук шли, да и лень-то; а тут абвокатов развелось несть числа. Уж сколько он там ни путался, а деньжонки все прожил; знакомство растерял и опять в прежнее бедное положение пришел: к матери, значит, от стерляжей уши-то на пустые щи. Привычку же он к трактирам возымел – в хорошие-то не с чем, так по плохим стал шляться. Видя я его в таком упадке, начала ему занятие находить. Хочу его свести к своей знакомой даме, а он дичится.

Людмила. Робок, должно быть, характером.

Шаблова. Полно, матушка, что за характер!

Людмила. Да ведь бывают люди робкого характера.

Шаблова. Да полно, какой характер! Разве у бедного человека бывает характер? Какой ты еще характер нашла?

Людмила. А что же?

Шаблова. У бедного человека да еще характер! Чудно, право! Платья нет хорошего, вот и все. Коли у человека одёжи нет, вот и робкий характер; чем бы ему приятный разговор вести, а он должен на себя осматриваться, нет ли где изъяну. Вы возьмите хоть с нас, женщин: отчего хорошая дама в компании развязный разговор имеет? Оттого, что все на ней в порядке: одно к другому пригнато, одно другого ни короче, ни длинней, цвет к цвету подобран, узор под узор подогнат. Вот у ней душа и растет. А нашему брату в высокой компании беда; лучше, кажется, сквозь землю провалиться! Там висит, тут коротко, в другом месте мешком, везде пазухи. Как на лешего, на тебя смотрят. Потому не мадамы нам шьют, а мы сами самоучкой; не по журналам, а как пришлось, на чертов клин. Сыну тоже не француз шил, а Вершкохватов из-за Драгомиловской заставы. Так он над фрак-то год думает, ходит, ходит кругом сукна-то, режет, режет его; то с той, то с другой стороны покроит – ну, и выкроит куль, а не фрак. А ведь прежде тоже, как деньги-то были, Николай франтил; ну, и дико ему в таком-то безобразии. Уломала я его наконец, да и сама не рада; человек он гордый, не захотел быть хуже других, потому у нее с утра до ночи франты, и заказал хорошее платье дорогому немцу в долг.

Людмила. Молода она?

Шаблова. В поре женщина. То-то и беда. Кабы старуха, так бы деньги платила.

Людмила. А она что же?

Шаблова. Женщина легкая, избалованная, на красоту свою надеется. Всегда кругом нее молодежь – привыкла, чтоб все ей угождали. Другой даже за счастье сочтет услужить.

Людмила. Так он даром для нее хлопочет?

Шаблова. Нельзя сказать, чтоб вовсе даром. Да он-то бы пожалуй, а я уж с нее ста полтора выханжила. Так все деньги-то, что я взяла с нее за него, все портному и отдала, вот тебе и барыш! Кроме того, посудите сами, всякий раз, как к ней ехать, извозчика берет с биржи, держит там полдня. Чего-нибудь да стоит! А из чего бьется-то? Диви бы... Все ветер в голове-то.

Людмила. Может быть, она ему нравится?

Шаблова. Да ведь это срам бедному-то человеку за богатой бабой ухаживать да еще самому тратиться. Ну, куда ему тянуться: там такие

полковники да гвардейцы бывают, что уж именно и слов не найдешь. Взглянешь на него, да только и скажешь: ах, боже мой! Чай, смеются над нашим, да и она-то, гляди, тоже. Потому, судите сами: подкатит к крыльцу на паре с пристяжкой этакий полковник, брякнет в передней шпорой или саблей, взглянет мимоходом, через плечо, в зеркало, тряхнет головой да прямо к ней в гостиную. Ну, а ведь она женщина, создание слабое, сосуд скудельный, вскинет на него глазами-то, ну точно вареная и сделается. Где же тут?

Людмила. Так она вот какая!

Шаблова. Она только с виду великая дама-то, а как поглядеть поближе, так довольно малодушна. Запутается в долгах да в амурах, ну и шлет за мной на картах ей гадать. Мелешь, мелешь ей, а она-то и плачет, и смеется, как дитя малое.

Людмила. Как странно! Неужели такая женщина может нравиться?

Шаблова. Да ведь Николай горд; засело в голову, что завоюю, мол, – ну и мучится. А может, ведь он и из жалости; потому нельзя и не пожалеть ее, бедную. Муж у нее такой же путаник был; мотали да долги делали, друг другу не сказывали. А вот муж-то умер, и пришлось расплачиваться. Да кабы с умом, так еще можно жить; а то запутаться ей, сердечной, по уши. Говорят, стала векселя зря давать, подписывает сама не знает что. А какое состояние-то было, кабы в руки. Да что вы в потемках-то?

Людмила. Ничего, так лучше.

Шаблова. Ну, что ж, посумерничаем, подождем Николая. А вот кто-то и пришел; пойди свечку принести. *(Уходит.)*

Людмила *(у двери в переднюю).* Это вы?

Входит Дормедонт.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Людмила, Дормедонт, потом Шаблова.

Дормедонт. Я-с.

Людмила. А я думала... Да, впрочем, я очень рада, а то скучно одной.

Входит Шаблова со свечой.

Шаблова. Где же ты был? Ведь я так полагала, что ты дома. Ишь как озяб, захвораешь, смотри.

Дормедонт *(греясь у печки).* Я брата искал.

Шаблова. Нашел?

Дормедонт. Нашел.

Шаблова. Где ж он?

Дормедонт. Все там же.

Шаблова. Другой-то день в трактире! Скажите, пожалуйста, на что это похоже!

Дормедонт. На биллиарде играет.

Шаблова. Что ж ты его домой не вел?

Дормедонт. Звал, да нейдет. Поди, говорит, скажи маменьке, что я совершеннолетний, чтоб не беспокоилась. Домой, говорит, когда мне вздумается, я дорогу и без тебя найду; провожатых мне не нужно, я не пьяный. Уж я и плакал перед ним. «Брат, говорю, вспомни дом! Какой же ты добычник! Люди работы ищут, а ты сам от дела бегаешь. Нынче, говорю, два лавочника приходили прошение к мировому писать, а тебя дома нет. Этак ты всех отводишь». – «Я, говорит, по грошам не люблю собирать». А вот у меня последний рубль выпросил. Что ж, я отдал – брат ведь.

Шаблова. Озяб ты?

Дормедонт. Не очень. Я все для дому, а он нет. Я если когда и дров наколоть, так что за важность! Сейчас надел халат, пошел нарубил, да еще моцион. Ведь верно, Людмила Герасимовна?

Людмила. Вы любите брата?

Дормедонт. Как же-с...

Людмила. Ну, так любите больше! *(Подает Дормедонту руку.)* Вы добрый, хороший человек. Я пойду работу возьму. *(Уходит.)*

Шаблова *(вслед Людмиле).* Приходите, поскучаем вместе. *(Дормедонту.)* Ишь ты, как перезяб, все не согреешься.

Дормедонт. Нет, маменька, ничего; вот только в среднем пальце владения не было, а теперь отошло. Сейчас я за писанье. *(Садится к столу и разбирает бумаги.)*

Шаблова. А я карточки разложу покуда. *(Вынимает из кармана карты.)*

Дормедонт. Вы, маменька, ничего не замечаете во мне?

Шаблова. Нет. А что?

Дормедонт. Да ведь я, маменька, влюблен.

Шаблова. Ну, что ж, на здоровье.

Дормедонт. Да ведь, маменька, серьезно.

Шаблова. Верю, что не в шутку.

Дормедонт. Какие шутки! Погадайте-ка!

Шаблова. Давай гадать! Давай, старый да малый, из пустого в порожнее пересыпать.

Дормедонт. Не смейтесь, маменька: она меня любит.

Шаблова. Эх, Дормедоша! не из таких ты мужчин, каких женщины любят. Одна только женщина тебя любить может.

Дормедонт. Какая же?

Шаблова. Мать. Для матери, чем плоше дитя, тем оно милее.

Дормедонт. Что ж, маменька, я чем плох? Я для дому...

Шаблова. Да ведь я знаю, про кого ты говоришь.

Дормедонт. Ведь уж как не знать, ведь уж одна. А вот я сейчас пришел, бросилась к двери, говорит: «Это вы?»

Шаблова. Бросилась? Ишь ты! Только не тебя она ждала. Не брата ли?

Дормедонт. Невозможно, маменька, помилуйте.

Шаблова. Ну, смотри! А похоже дело-то!

Дормедонт. Меня, маменька, меня! Вот теперь только б смелости, да время узнать, чтоб в самый раз всю душу свою открыть. Действовать?

Шаблова. Действуй!

Дормедонт. А как, маменька, карты? Что они мне говорят?

Шаблова. Путаница какая-то, не разберу. Вон, кажется, купец домой собирается; пойди велеть ему посветить. (*Уходит.*)

Выходят Дороднов и Маргаритов.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дормедонт, Дороднов и Маргаритов.

Маргаритов. А ведь мы с тобой старые приятели.

Дороднов. Еще бы! Сколько лет. Герасим Порфирьич, знаешь что? Выпьем теперь. Сейчас я кучера к Бауеру...

Маргаритов. Нет, нет, и не проси!

Дороднов. Как ты это, братец, странно! Мне теперь вдруг фантазия; должен ты уважить?

Маргаритов. Тебе эта фантазия-то часто приходит. Ты об деле-то... Завтра нужно нам к маклеру...

Дороднов. Да что об деле! Я на тебя, как на каменную стену. Видишь, я тебя не забыл; вот где отыскал.

Маргаритов (*жмет ему руку*). Благодарю, благодарю! Да, вот куда

занесла меня судьба. Ты добрый человек, ты меня нашел; а другие бросили, бросили на жертву нищете. Дел серьезных почти нет, перебиваюсь кой-чем; а я люблю большие апелляционные дела, чтоб было над чем подумать, поработать. А вот на старости лет и дел нет, обегать стали; скучно без работы-то.

Дороднов. Скучно-то бы ничего, а ведь, чай, поди и голодно.

Маргаритов. Да, да, и голодно.

Дороднов. Бодрись, Герасим Порфирьич! Авось с моей легкой руки... Уж ты, по знакомству, постарайся!

Маргаритов. Что за просьбы! Я свое дело знаю.

Дороднов. Заходи завтра вечером. Не бойся, неволить не буду, легоньким попотчую.

Маргаритов. Хорошо, хорошо, зайду.

Дороднов. Ну, так, значит, до приятного.

Маргаритов. Ах, постой, постой! забыл. Подожди немного!

Дороднов. Чего еще?

Маргаритов. Забыл тебе расписку дать, какие документы от тебя принял.

Дороднов. Вот еще! Не надо.

Маргаритов. Нельзя, порядок.

Дороднов. Да не надо, чужак. Верю.

Маргаритов. Не выпущу без того.

Дороднов. И зачем только эти прокламации?

Маргаритов. В животе и смерти бог волен. Конечно, у меня не пропадут, я уж теперь осторожен стал...

Дороднов. А разве было что?

Маргаритов. Было. Вот какой был случай со мной. Когда еще имя мое гремело по Москве, дел, документов чужих у меня было, хоть пруд пруди. Все это в порядке, по шкапам, по коробкам, под номерами; только, по глупости по своей, доверие я прежде к людям имел; бывало, пошлешь писарька: достань, мол, в такой-то коробке дело; ну, он и несет. И выкрал у меня писарек один документ, да и продал его должнику.

Дороднов. Велик документ-то?

Маргаритов. В двадцать тысяч.

Дороднов. Ого! Ну, что ж ты?

Маргаритов (со вздохом). Заплатил.

Дороднов. Все заплатил?

Маргаритов (утирая слезы). Все.

Дороднов. Как же ты извернулся?

Маргаритов. Все свои трудовые денежки отдал, дом продал – все продал, что можно продать было.

Дороднов. Так-то ты и в упадок пришел?

Маргаритов. Да.

Дороднов. Пострадал занапрасно?

Маргаритов. Да.

Дороднов. Небось нелегко было?

Маргаритов. Ну, уж я про то знаю, каково мне было. Веришь ли ты? Денег нет, трудовых, горбом нажитых, гнезда нет, жена и так все хворала, а тут умерла – не перенесла, доверия лишился, (*шепотом*) хотел руки на себя наложить.

Дороднов. Что ты! Наше место свято! Полоумный ты, что ли?

Маргаритов. Будешь полоумный. Вот так-то раз, вечером, тоска меня грызет, хожу по комнате, поглядываю, где петлю-то повесить...

Дороднов. Ишь ты, бог с тобой!

Маргаритов. Да заглянул в угол, кровать там стоит, дочка спала, двух лет была тогда. Думаю, кто ж у ней-то останется. А? Понял ты?

Дороднов. Как не понять, голова!

Маргаритов. Кто у ней останется, а? Да так это гляжу на нее, воззрелся на этого ангела, с места не могу сойти; а в душе-то у меня точно тепло какое полилось, все мысли-то супротивные точно мириться между себя стали, затихать да улегаться по своим местам.

Дороднов. И такое это, выходит, произволение.

Маргаритов. Слушай, слушай! И с тех пор я так и молюсь на нее, как на мою спасительницу. Ведь уж кабы не она, ау, брат!

Дороднов. Да, оно, точно, бывает; только сохрани бог всякого!

Маргаритов. Так вот... Об чем я начал-то? Да, так вот с тех пор я осторожен, запираю на ключ, а ключ у дочери. Все у ней, и деньги и все у ней. Она святая.

Дороднов. Ну, к чему это ты такие слова?

Маргаритов. Что, что! Ты не веришь? Святая, говорю тебе. Она кроткая, сидит работает, молчит; кругом нужда; ведь она самые лучшие свои года просидела молча, нагнувшись, и ни одной жалобы. Ведь ей жить хочется, жить надо, и никогда ни слова о себе. Выработает лишний рубрик, глядишь, отцу подарочек, сюрприз. Ведь таких не бывает... Где ж они?

Дороднов. Замуж бы.

Маргаритов. Да с чем, чудной ты человек, с чем?

Дороднов. Ну вот, бог даст, ты мне дела-то на двести тысяч сделаешь, так уж тогда...

Маргаритов. Ну, ты подожди, я сейчас тебе расписочку...

Дороднов. Ладно, подожду.

Маргаритов уходит в свою комнату.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дороднов и Дормедонт.

Дороднов (*садится*). Дела-то на свете тоже всякие бывают, все разное, у всякого свое, и всякий должен о себе. И не пожалеть иного нельзя, а и жалеть-то всякого не приходится; потому вдруг с тобой самим может грех случиться, так жалость-то надо для себя поберечь. (*Смотрит на Дормедонта.*) Строчи, строчи! Разве поговорить с тобой?

Дормедонт. Чего-с?

Дороднов. Ты... как тебя?... Пописухин, поди сюда поближе!

Дормедонт. Вы бы поучтивее, коли не знаете человека.

Дороднов. Ах, извините, ваше благородие! А ты живи без претензий, сытее будешь. Поди сюда, денег дам.

Дормедонт (*подходя*). За что-с?

Дороднов (*дает три рубля*). Так, здорово живешь.

Дормедонт. Покорно благодарю-с. (*Кланяется.*)

Дороднов (*ерошит волоса Дормедонту*). Ах ты, шаршавый, не нашей державы!

Дормедонт. Полноте! что вы?

Дороднов. А что, милый друг, этот самый стряпчий не сфальшивит, если ему документы поверить?

Дормедонт. Как можно, что вы!

Дороднов. Я бы и хорошему отдал, да те спесивы очень, надо его сударем звать, да и дорого. Так ежели ты какую фальшь заметишь, сейчас забеги ко мне, так и так, мол.

Дормедонт. Да что вы! Уж будьте покойны.

Дороднов. Ну, поди строчи!

Дормедонт. Да я кончил-с.

Дороднов. Только ты стряпчему ни гугу! Ты много ль жалованья получаешь?

Дормедонт. Десять рублей в месяц.

Дороднов. Что ж, это ничего, хорошо. Тоже ведь и тебе питаться надо

чем-нибудь. Всякий от своих трудов должен; потому, взгляни: птица ли, что ли...

Входит Маргаритов, Дормедонт уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Маргаритов и Дороднов.

Маргаритов (*отдавая расписку*). На, спрячь!

Дороднов (*прячет расписку*). Что это у тебя за писарек такой?

Маргаритов. Что ж, писарек? Ничего. Глуповат, а парень исправный.

Дороднов. Плут, я вижу, большой руки. За ним гляди в оба.

Маргаритов. Ну, не болтай пустого!

Дороднов. Доглядывай, советую. Ну, гости посидят, посидят, да и поедут. (*Хочет идти.*) Постой! Вот было забыл. У меня дома еще документ, это дело особь статья; я его с теми и не мешаю. Уж я его хоть бросить, так в ту ж пору; да дай, думаю, посоветуюсь, что с ним делать, все-таки жалко.

Маргаритов. В чем же дело?

Дороднов. Этот самый документ достался мне по наследству от дяди, вот со всеми бумагами, которые я к тебе привез. Да какой-то он сумнительный. Ну, думаю, и так много досталось, этого и жалеть нечего, что по нем ни получи, все ладно, а то хоть и пропадай он.

Маргаритов. На кого документ-то?

Дороднов. На бабу. Тут вдова есть одна, Лебедкина прозывается. Путаная бабенка.

Маргаритов. Да у ней есть что-нибудь?

Дороднов. Как не быть! Поразмотала, а все-таки заплатить в силах.

Маргаритов. Так давай, получим.

Дороднов. Получить можно, коли пугнуть.

Маргаритов. Чем?

Дороднов. Документ выдан за поручительством мужа, ей-то не больно верили, а поручительство-то фальшивое. Муж-то в параличе был, безо всякого движения, как она документ-то выдала.

Маргаритов. Так и пугнуть.

Дороднов. Оно и следует; только обстоятельному купцу связываться с бабой, я так понимаю, мораль. Я тебе передам, ты, как хочешь, от своего имени, а мне чтоб не путаться.

Маргаритов. Ну, так ты считай, что эти деньги у тебя в кармане.

Дороднов. Получи хоть половину!

Маргаритов. Все получу.

Дороднов. Не пожалеешь, стало быть?

Маргаритов. Что плутов жалеть!

Дороднов. Бабенка-то оборотиста, не оплела бы тебя на старости лет; заговорит – растаешь.

Маргаритов. Ну, вот еще! Толкуй тут! Вот тебе рука моя, что через два дня все деньги у тебя.

Дороднов. Значит, эту статью из головы вон. Завтра я тебе документ отдам. Ну, да ведь всего не переговоришь, что-нибудь к завтраму оставим; а теперь, по-моему, коли не пить, так самое время спать. Прощай!

Маргаритов. Посветите там кто-нибудь! *(Уходит с купцом в переднюю.)*

Из передней возвращаются Маргаритов, Шаблова и Дормедонт. Людмила выходит из своей комнаты.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Маргаритов, Шаблова, Людмила и Дормедонт.

Шаблова. Ужинать не прикажете ли?

Маргаритов. Ужинайте, коли хотите, я ужинать не буду. Людмилочка, я нынче долго просижу, ты спи, меня не дожидайся. *(Ходит по комнате.)*

Людмила. Я сама хочу нынче посидеть подольше, поработать. *(Шабловой.)* Вы сейчас будете ужинать, никого ждать не будете?

Шаблова. Да надо бы подождать.

Людмила. Ну, так я с вами посижу.

Дормедонт. Нет ли уж дельца и мне, Герасим Порфирьич, за компанию?

Маргаритов. погоди, будет и тебе дело. Людмила, у меня дела, опять дела. Фортуна улыбается; повезло, повалило счастье, повалило.

Людмила. Как я рада за тебя, папа!

Маргаритов. За меня? Мне уж, Людмила, ничего не нужно; я для тебя живу, дитя мое, для одной тебя.

Людмила. А я для тебя, папа.

Маргаритов. Полно! Бог даст, будет у нас довольство; в нашем

ремесле, коли посчастливится, скоро богатеют – вот поживешь и для себя, да как поживешь-то!

Людмила. Я не умею жить для себя; в том только и счастье, когда живешь для других.

Маргаритов. Не говори так, дитя мое, не принижай себя; ты меня огорчаешь. Я знаю свою вину, я загубил твою молодость, ну, вот я же и поправить хочу свою вину. Не обижай отца, не отказывайся наперед от счастья, которого он тебе желает. Ну, прощай! *(Целует Людмилу в голову.)* Ангел-хранитель над тобой!

Людмила. И над тобой, папа.

Маргаритов уходит в свою комнату.

Шаблова. Вот что видеть-то приятно, а у меня сынки...

Дормедонт. Маменька, я-то? Разве я вас не покою, разве я для дому не радетель?

Шаблова. Так-то так, да ждать-то от тебя много нечего. А вот брат и с умом, да... уж и не говорить лучше! Замучил мать! Майся с ним, точно с калечищем каким. *(Прислушивается.)* Ну, стучится, недолго дожидались. Пойти велеть пустить, да ворота запереть. *(Уходит.)*

Людмила подходит к окну.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Людмила и Дормедонт.

Дормедонт *(про себя).* Не теперь ли начать? *(Людмиле.)* Людмила Герасимовна, вы как о брате понимаете?

Людмила. Я его не знаю совсем.

Дормедонт. Однако по его поступкам?

Людмила. По каким?

Дормедонт. Против маменьки.

Людмила. Что же он против нее сделал?

Дормедонт. А в трактире сидит.

Людмила. Может быть, ему там весело.

Дормедонт. Мало что весело. Этак бы и я пошел.

Людмила. Что ж вы нейдете?

Дормедонт. Нет-с, я не таких правил. Для меня дома лучше-с.

Людмила. Полноте! Что здесь хорошего! Ну, уж про нас нечего и

говорить; а мужчине-то, особенно молодому...

Дормедонт. Да-с, когда он не чувствует.

Людмила. А вы что же чувствуете?

Дормедонт. Да я то-с, да я-с...

Входит Шаблова с запиской с руках.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Людмила, Дормедонт и Шаблова.

Дормедонт (*про себя*). Помешали!

Шаблова утирает слезы.

Людмила. Что с вами?

Шаблова. Да вот чадо-то мое...

Людмила (*с испугом*). Что такое?

Шаблова (*подавая записку*). Вот прислал с мальчиком из трактира.

Людмила. Можно прочесть?

Шаблова. Прочитайте!

Людмила (*читает*). «Маменька, не ждите меня, я заигрался. Со мной неприятный случай – я проигрываю; я связался играть с игроком, который гораздо сильнее меня. Он, как кажется, порядочный человек, ему нужно отдать деньги, а у меня денег нет; поэтому я не могу прекратить игры и все больше затягиваюсь. Если хотите спасти меня от стыда и оскорблений, пришлите мне с посланным тридцать рублей. Кабы вы знали, как я страдаю из-за такой ничтожной суммы!»

Шаблова. Скажите пожалуйста, «ничтожной»? Выработай-ка, поди!

Людмила. «Я, для скорости, послал мальчика на извозчике; я жду и считаю минуты... Если у вас нет, найдите где-нибудь, займите! Не жалейте денег, пожалейте меня! Не губите меня из копеечных расчетов! Или деньги, или вы меня не увидите больше. Деньги пришлите в запечатанном конверте. Любящий вас сын Николай».

Шаблова. Хороша любовь, нечего сказать!

Людмила. Что же вы хотите делать?

Шаблова. Что делать? Где же я возьму? У меня всего десять рублей, да и то на провизию отложены.

Людмила. А ведь надо послать.

Шаблова. Проиграл, видите ли! А кто его заставлял играть? Сидел бы

дома, так дело-то лучше.

Людмила. Об этом уж теперь поздно разговаривать.

Шаблова. Диви бы в самом деле нужда! А то проиграл, крайность-то небольшая.

Людмила. Нет, большая. Вы слышали, что он пишет: «вы меня больше не увидите».

Шаблова. Ну, так, батюшки мои, не разорваться ж мне из-за него. Тиран, мучитель! Вот наказание-то! А за что, за что? Я ль его не любила...

Людмила. Позвольте! К чему эти разговоры? Только время проходит, а он там ждет, страдает, бедный.

Шаблова. Страдает он, варвар этакий! Бери, Дормедоша, бумагу, напиши ему: с чего ты, мол, выдумал, чтоб маменька тебе деньги прислала? Ты бы сам должен в дом нести, а не из дому тащить последнее.

Людмила. Пойдите! Так нельзя, это бесчеловечно! Дайте мне конверт! Надпишите только! *(Достает из портмоне пятидесятирублевую ассигнацию. Дормедонт надписывает конверт.)*

Шаблова. Что вы, что вы! Пятьдесят рублей!

Людмила. Теперь менять негде, да и некогда.

Шаблова. Да еще не последние ли у вас?

Людмила. Это именно такой случай, когда посылают последние. *(Берет конверт у Дормедонта, кладет деньги и запечатывает.)*

Шаблова. Ведь он сдачи-то не принесет; теперь сколько же за эти деньги вам заживать у меня придется?

Людмила. Нисколько, вы свое получите. Эти деньги я не вам даю, с ним считаться и буду.

Шаблова. Да ангел вы небесный! Ах ты, боже мой! Где ж такие родятся. Ну, уж я бы...

Людмила. Несите, несите! он ведь ждет, считает минуты.

Шаблова. Дормедоша, иди ужинать, пожалуйста и вы; я сейчас...

Людмила. Я не буду.

Шаблова. Дормедоша, иди! Есть же ведь на свете такие добродетельные люди. *(Уходит.)*

Дормедонт (про себя). Вот теперь, должно быть, в самый раз... *(Людмиле.)* Как вы к нашему семейству-то...

Людмила (задумчиво). Что вы?

Дормедонт. Какое, говорю, расположение...

Людмила. Да, да.

Дормедонт. Конечно, не всякий...

Шаблова за сценой: «Иди, что ли, я жду!»

Постойте, маменька. Конечно, я говорю, не всякий может чувствовать...

Людмила *(в задумчивости)*. Я не понимаю.

Дормедонт. Вы вот для брата, а чувствую я. Разве он может...

Людмила *(подавая руку)*. Покойной ночи! *(Уходит.)*

Шаблова за сценой: «Да иди! Долго ль ждать-то?»

Дормедонт. Эх, маменька! Тут, может, вся моя судьба, а вы мешаете! *(Оглядывается.)* Вот ушла. Ну, в другой раз; кажется, дело-то на лад идет.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

Маргаритов.

Людмила.

Шаблова.

Николай Андреич Шаблов, старший сын Шабловой.

Дормедонт.

Варвара Харитоновна Лебебкина, вдова.

Декорация та же.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Николай сидит у стола и спит, положив голову на руки. Маргаритов и Людмила входят.

Людмила. Прощай, папа!

Маргаритов. Прощай, душа моя! *(Отдает Людмиле ключи.)* Вот тебе ключи! Пойдешь из дому, так бери с собой, не оставляй! У меня в столе документы, а я здесь никому не верю. Здесь, Людмилочка, сторона голодная, народ живет изо дня в день, что урвет, тем и сыт. Утопающий, говорят, хватается за соломинку; ну, а голодающий за то, что плохо лежит. Здесь все украдут и все продадут, а ловкие люди этим пользуются. Нужно подкупить человека на подлог, на преступление, нужно купить девичью честь – иди сюда, купишь, и недорого купишь. Когда ты увидишь, что сюда зайдет или заедет человек богатый, хорошо одетый, так знай, что он не за добрым делом зашел – он ищет продажной чести или совести.

Людмила. А вчера к тебе купец приезжал богатый.

Маргаритов. Так ведь это чудо. Я сначала-то подумал, что либо ему фальшивое духовное завещание нужно, либо ограбить кредиторов собирается, так за добрым советом приехал. Ко мне являлись такие-то господа, не мало я их гонял от себя. А живи я в центре Москвы, разве бы

смели показаться с такими предложениями. Помни еще, Людмила, что рядом с нуждой всегда живет порок – это страшнее. Нужде многое можно простить, ее и закон не так строго судит; а когда твое трудовое украдут, чтобы пропить с свистом, с гамом, промотать в буйной компании – вот когда обидно. Вот, гляди! *(Указывает на Николая.)* Ему нужны деньги, очень нужны – пропить в погребке, проиграть на билиярде в трактире.

Людмила *(с испугом)*. Папа, он услышит!

Маргаритов. Пусть слышит, я правду говорю. Бежать бы нам из этого дома, а куда? Дешевые квартиры все такие: либо за перегородкой мастеровые, которые уж совсем никогда не говорят по-человечески, а только ругаются с утра до ночи, либо у хозяйки муж или сын пьяницы. И ты, ангельская душа, должна жить под одной крышей с таким господином. Только видеть-то его для порядочной девушки уж есть оскорбление.

Людмила *(с укором)*. Папаша, потише!

Маргаритов. Что за церемонии с этим народом! Как его не бояться? Он в неделю гроша не выработает, а каждый-то вечер сидеть в каком-нибудь Кенигсберге или Адрианополе нужны средства. Береги пуще всего документы, да и деньги запирай крепче! Кстати о деньгах; дай-ка ты мне на расходы!

Людмила. У меня нет денег.

Маргаритов. Куда ж ты их дела?

Людмила. Истратила.

Маргаритов пристально смотрит на нее.

Что ты так смотришь на меня? Что за инквизиция, папа! Если хочешь, я тебе скажу, куда...

Маргаритов *(прерывая ее)*. Нет, нет, не надо... я знаю. Я что в глазах-то твоих ищу? Для себя ли ты истратила, бедненькая, на свои нужды, на свое необходимое, или опять на баловство для меня, негодного старика. Вижу теперь, вижу, ждать буду, Людмила, ждать... не умела ты скрыть. А денег я у купца возьму, не беспокойся. Прощай! *(Уходит.)*

Людмила *(у двери передней)*. Прощай, папа! *(Подходит к столу и смотрит с нежностью на Николая.)* Милый мой, милый! Как ему неудобно, бедному! Дождусь ли я, мой милый, когда ты успокоишь свою умную, красивую голову на моих руках? Какое бы это счастье было для меня! *(Молча смотрит на Николая.)*

Входит Шаблова.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Людмила, Шаблова и Николай.

Шаблова. Да, вот полюбуйте! Каково матери-то смотреть! Ах, беспутная голова!

Николай (*просыпаясь*). А? Что? Знакомый голос. Здравствуйте, маменька! Я ваш голос, маменька, особенно когда вы бранитесь, из тысячи узнаю.

Шаблова. Ах ты, непутевый! с чего это ты выдумал к матери за деньгами присылать? Какие у матери деньги? Да диви бы на дело, а то...

Николай. Ну, что ж за беда такая! Знаете пословицу: «проиграл – не украл; денег нет, так сам дома». Покорно вас благодарю! Вот одолжили! (*Хочет обнять мать.*)

Шаблова. И не подходи!

Николай. Ну, как угодно. (*Садится у стола и подпирает голову рукою.*)

Шаблова. Долго это будет продолжаться! скажи ты на милость!

Николай. Что: «это»?

Шаблова. Гульба твоя.

Николай. А, право, не знаю. До первого дела, я думаю.

Шаблова. Не отговаривайся! что бога-то гневить! Были у тебя дела и теперь есть.

Николай. Нет, это не дела.

Шаблова. А что ж такое, по-твоему?

Николай. Делишки.

Шаблова. Ну, вот извольте с ним разговаривать, когда он никаких резонов не принимает. Деньги-то все ухнул? Много ль домой-то принес? Мне кормить вас нужно.

Людмила. Об этом говорить не нужно. Я прошу вас.

Шаблова. Ну, пожалуй, ну, как вам угодно. А ведь жалко, мы не миллионщики, по стольку-то заразы проматывать. Батюшки, что-то в кухне зашипело! Бежать скорей! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Людмила и Николай.

Николай. Позвольте мне любопытствовать, с какой стати вы помешали маменьке говорить о деньгах и каким это чудом она вас послушалась?

Людмила. Я просила ее просто из деликатности. Ей нужно было говорить не о деньгах.

Николай. А о чем же?

Людмила. Ей нужно было пожалеть вас самих, а не...

Николай. То есть как пожалеть?

Людмила. Пожалеть, что вы тратите свое здоровье, и просить вас беречь его.

Николай. А вы бы стали ей поддакивать, конечно?

Людмила. Да, и я бы стала... умолять вас о том же.

Николай. Умолять? Это слишком много чести для меня.

Людмила. И я бы стала умолять вас оставить дурное общество, не тратить даром своих способностей.

Николай. И прочее и прочее... Знаю. Вы ведете себя, как и следует чувствительной барышне; чувствительные сердца всегда мешаются не в свое дело и лезут туда с советами, где их не спрашивают. Но маменька...

Людмила. Деньги можно приобрести, но расстроенное здоровье...

Николай. Невозвратимо. Бесподобно. Но маменька... Она чувствительностью не отличается, деликатностью также; для нее дороже всего деньги, для нее нет выше преступления, как истратить лишние деньги, и она замолчала. Я ждал бури и уж заранее запасся терпением на двое суток; и вдруг, вместо обычной рацеи: «мот, пьяница, растащил дом» – я слышу мораль от посторонних, которым до меня дела нет. Чудеса какие-то!

Людмила. Извините!

Николай. Нет, ничего. Разговаривайте, если вам это доставляет удовольствие.

Людмила. Для меня всегда большое удовольствие говорить с вами.

Николай. То есть поучать меня.

Людмила. О нет!

Николай. Отчего ж и не поучить! Это так дешево стоит.

Людмила. Не будьте несправедливы, не обижайте меня! Я не обиды заслуживаю от вас.

Николай. А благодарности. Разумеется, как же мне не благодарить вас! Вы учите меня, не имея на то никакого права; вы считаете меня

дураком, потому что сообщаете мне за новость такие истины, какие всякий десятилетний мальчик знает.

Людмила. Не то, Николай Андреич, не то. Я только прошу вас... все это так просто.

Николай. Просите? Зачем? вы не знаете ни моей жизни, ни моего характера, ни положения, в котором я нахожусь... Маменька простая женщина, а и та поступила лучше: она знала, что мне деньги нужны, а не советы, и прислала мне денег.

Людмила. Я вам прислала денег, а не маменька.

Николай. Вы?

Людмила. Я не хотела сказывать, но вы сами меня заставили.

Николай. Вы прислали деньги? Что такое? Зачем вы это сделали? Кто вас просил? Маменька? Она заняла у вас, она обещала вам отдать?

Людмила. Нет.

Николай. Как же это случилось?

Людмила. Я прочитала ваше письмо, я живо представила ваше положение; тут некогда было думать, нужно было торопиться.

Николай *(с чувством берет ее за руку)*. Благодарю вас. Разумеется, я вам эти деньги отдам при первой возможности; но позвольте вам заметить: вы поступили неосторожно.

Людмила. Может быть.

Николай. Вы меня не знаете, я могу не заплатить вам; а вы не так богаты, чтобы бросать по пятидесяти рублей.

Людмила. Я об этом не думала; я думала только о том, что вам необходимо нужны деньги.

Николай. Позвольте вам удивляться.

Людмила. Чему тут удивляться, Николай Андреич? Мы живем в одном доме, я почти никого, кроме вас, не вижу... вы имеете столько достоинств...

Николай. Боже мой! *(Закрывает лицо руками.)* Вы меня любите?

Людмила. Удивительно было бы, если б я не полюбила вас.

Николай. Зачем это, зачем? По крайней мере я себя не виню, я, кажется, не подавал вам никакого повода.

Людмила. Нет, подали. Помните, с месяц тому назад, вот здесь, у этого окна, вы поцеловали мою руку и сказали, что вы бы умерли от счастья, если б вас полюбила такая женщина, как я.

Николай. Да ведь это фразы, это та же шутка.

Людмила. А зачем вы тогда же не сказали, что шутите? Вы бы спасли меня от страданий. А слезы на глазах? Ведь если слезы неправда, так

притворство, обман, а уж не шутка. Какое надобно иметь сердце, чтоб шутить над такой девушкой, как я.

Николай. Боже мой! Простите! Нет, я не шутил, я...

Людмила. Я прожила свою молодость без любви, с одной только потребностью любить, я веду себя скромно, никому не навязываюсь; я, может быть, с болью сердца отказалась даже от мечты быть любимой. А ведь я женщина, любовь для меня все, любовь мое право. Разве легко побороть себя, побороть свою природу? Но представьте себе, что я поборола себя и была покойна и счастлива по-своему. Разве честно опять будить мои чувства? Ваш только один намек на любовь опять поднял в душе моей и мечты, и надежды, разбудил и жажду любви, и готовность самопожертвования... Ведь это поздняя, быть может последняя любовь; вы знаете, на что она способна... а вы шутите над ней.

Николай. Нет. Вы действительно заслуживаете и уважения, и любви всякого порядочного человека; но ведь я способен погубить вас, загубить вашу жизнь.

Людмила. А на что мне она? Губите! Я буду и тем довольна, если сумею чем-нибудь вашу жизнь усладить, утешить вас.

Николай. Только усладить, утешить, и за это губить себя! Вы слишком мало себя цените.

Людмила. Разумеется, мечты мои другие. Моя мечта – видеть вас покойным, счастливым, и для этого я готова на всякие жертвы, решительно на всякие.

Николай. Ангел мой, Людмила Герасимовна, за прежнее простите меня! А на этот раз я поступлю с вами честно – я вас разочарую. Ваши мечты так мечтами и останутся; спасти меня невозможно, у вас нет средств для этого: я затянулся очень глубоко. Вы только себя погубите, и потому лучше посторонитесь с моей дороги. Ни спокойного счастья, ни такой женщины, как вы, я и не стою и желать не умею; мне нужно другое.

Людмила. Что же другое?

Николай. Стыдно вам сказать.

Людмила. Если стыдно сказать, так, значит, стыдно и желать и делать.

Николай. Да, вы правы. Но либо я рожден с дурными наклонностями, либо еще не перебесился. Ах, как я устал, как я изломан!

Людмила. Отдохните.

Николай (*сидя у стола*). Да, надо отдохнуть немножко, денька два дома посидеть.

Людмила. Как я рада!

Николай. Какая вы добрая! Эх, некрасива моя жизнь, Людмила

Герасимовна; а впереди еще некрасивее.

Людмила (*подходя к нему*). По крайней мере не обегайте меня, когда вам нужно будет утешение или участие.

Николай (*подавая ей руку*). Благодарю вас, благодарю.

Людмила (*заметив у Николая револьвер в кармане, берет его*). А это вот отдайте мне.

Николай. Осторожнее, он заряжен.

Людмила. Зачем он у вас?

Николай. Я его купил дешево, мимоходом, у носящего, на глаза подвернулся. Деньги оставались, думал, все равно промотаю, а это вещь полезная, может быть и пригодится.

Людмила. Я его запру у себя; когда вам понадобится, вы мне скажите.

Николай (*с улыбкой*). Пожалуй, запирайте. В самом деле, уберите лучше, а то глядишь, глядишь на него, да и пожалуй...

Людмила. О каких страшных вещах вы говорите так равнодушно.

Николай (*смеясь*). Вот толков-то наделаю. Не влюблен ли безнадежно, казенные деньги не затратил ли? Как будто нет причин проще...

Людмила. Какие же?

Николай. Жить незачем. Как хочется жить, так нельзя; а как можно, так не хочется. Да, уберите лучше... Скверно жить, Людмила Герасимовна.

Людмила. Перестаньте, не мучьте меня. За мою откровенность будьте и вы со мной откровенны.

Николай. Это чего ж вы хотите? Чтоб я рассказал вам всю гадость моего положения? Пожалуй, только не теперь, я устал очень.

Людмила. И мне нужно идти со двора; а вот уж, в сумеречках... Обещаете? Вы дома будете?

Николай. Дома.

Людмила. Ну, до свидания. (*Заходит в свою комнату, оставляет там револьвер, надевает бурнус и платок, потом запирает свою дверь и уходит.*)

Николай. Вот некстати. Не в таком я теперь расположении, чтоб в эти сентиментальности путаться. А впрочем, что ж, помеха небольшая. Все-таки как-то теплее, когда тебя кто-нибудь любит.

Из передней выбегает Дормедонт.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Николай, Дормедонт, потом Шаблова.

Дормедонт. Маменька, маменька, Варвара Харитоновна приехала!

Шаблова входит.

Шаблова. Выдумывай еще! В наш-то курятник, да такая дама поедет. Не умеет она прислать-то! И лакея пошлет, так мать-то собачьей рысью к ней побежит; а то очень нужно ей самой ехать.

Дормедонт. Да ведь я не знаю-с; кому ж быть-то, как не ей! Посмотрите!

Шаблова (*взглянув в окно*). Что за чудо! И то ведь она. Видно, дело какое спешное!

Николай. Маменька, коли меня спросит, скажите, что дома нет! (*Уходит.*)

Шаблова. Ах ты алистократ! Видно, дело-то не тяга, видно, у ней получше тебя есть. Бежать, встретить! (*Выходит в переднюю и возвращается с Лебедкиной.*)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Шаблова, Лебедкина и Дормедонт.

Шаблова. Какими судьбами, матушка благотельница? Кому молиться-то прикажешь?

Лебедкина. Это кто у тебя?

Шаблова. Сынок, матушка.

Лебедкина (*Дормедонту*). Вы тоже адвокат?

Дормедонт. Нет-с, я так.

Шаблова. Где ж ему! Он по домашней части. (*Дормедонту.*) И что ты тут толчешься?

Дормедонт уходит.

Лебедкина. Душа моя, Фелицата Антоновна, поскорей!

Шаблова. Да что поскорей-то? Чаю прикажете?

Лебедкина. Ну вот, чай! Ты мне карточки.

Шаблова. Мигом, матушка. Карты всегда при мне. Как солдат с ружьем, так и я с ними. (*Достает колоду из кармана.*) По какой части? По амурной, что ли?

Лебедкина. Да, да, поскорей!

Шаблова. Трефового короля-то класть, все того же?

Лебебкина. Да, все того же, трефового; только выколи ему булавкой глаза!

Шаблова (*колет булавкой короля*). Вот тебе, обидчику! (*Раскладывает карты.*) Матушка вантаж.

Лебебкина. Да какой от него авантаж! Другую неделю глаз не кажет; измучилась, не утерпела, к тебе бросилась.

Шаблова (*рассматривая карты*). Придет.

Лебебкина. Да ты погляди хорошенько! Займись этим делом, займись! Вот это какая дама-то? При чем она тут? Вот за нее-то ему глаза и выколоть.

Шаблова. Не грехи! Она в стороне. Видишь, он от нее отвернулся.

Лебебкина. Да верно ли?

Шаблова. Гляди сама, коль не веришь! Что меня обижаешь! Я ль тебе не угадывала? Как, бывало, скажу «жди!», ну так и есть, к вечеру и тут как тут, ты и с радостью.

Лебебкина (*смешивая карты*). Ну, верю. Разложи-ка еще! Я было и забыла совсем.

Шаблова. Теперь на даму?

Лебебкина. На меня.

Шаблова (*раскладывая*). Дело, что ли, какое?

Лебебкина. Да ты гляди!

Шаблова. Вижу, дело денежное.

Лебебкина. Ты смотри хорошенько, платить мне или нет.

Шаблова (*рассматривая карты*). Пожалуй, что и заплатишь; по видимости так выходит.

Лебебкина. Ах, не хочется! Время-то к зиме; какие у меня зимой расходы, сама знаешь. Опера, вечера, новости из-за границы получают скоро, одни перчатки разорят.

Шаблова. Ну, да уж что говорить!

Лебебкина. Ах, не хочется платить. К зиме добрые люди занимают, а ты плати. Очень весело платить! Мне самой деньги нужны. Вот шляпка! Что в ней особенного? А с меня за нее взяли, что и не выговоришь. Хороша?

Шаблова. Хорошему все хорошо; а на волка хоть и лучше надень, все волк будет. Да ты должна, что ли?

Лебебкина. Разумеется, должна. Когда же я не должна бываю?

Шаблова. Кому?

Лебебкина. Купцу Дороднову. Я у дяди его занимала-то, а ему по

наследству досталось. Тот был человек учтивый, подождал бы, а этот мужик серый.

Шаблова. Льготы не дает?

Лебединина. Срок вышел, так я заезжала к нему сегодня утром, чтоб переписать документ. Вы, говорит, мне, сударыня, ничего не должны; я ваше заемное письмо передал стряпчему Маргаритову, с ним и извольте считаться. Видимое дело, что взыскать хочет.

Шаблова. Маргаритову? так ведь он у меня живет, в этих комнатах.

Лебединина. Каков он?

Шаблова. Ефиоп.

Лебединина. Не уступит?

Шаблова. Ни зерна макового.

Лебединина. А чтоб ему на сделочку пойти; ведь не свои деньги. Взял бы с меня половину, а я бы за это ему тысячу рублей дала.

Шаблова. И заикнуться не даст. Честность-то уж больно некстати одолела его. А велика ли половина?

Лебединина. Шесть тысяч.

Шаблова. Ишь ты! Кажется, кабы руки подошли, украла бы документ для тебя.

Лебединина. Укради, голубушка! Смерть не хочется платить!

Шаблова. Украдешь у него! Он за семь замков запирает. Вот тут и живет. Еще дочка у него барышня тонкая; но при всем том, кажется, с Николаем амурничает.

Лебединина. Да ты говори прямо! Любовница, что ль, она его?

Шаблова. Нет, матушка, что ты! Девушка она скромная. А что влюблена как кошка, так это уж правда.

Лебединина. Ну, и то хорошо. Мне отличная мысль в голову пришла. Пожалуй, мое дело и поправится. А он дома?

Шаблова. Не велел было сказывать.

Лебединина. Занят?

Шаблова. Какое занятие! Прогулял всю ночь, отдыхает.

Лебединина. Не нуждается ли в деньгах? Я бы с удовольствием. Нельзя ли его видеть?

Шаблова. Чего у меня для тебя нельзя? Все можно. (У двери.) Николая, поди сюда! Толкуйте, а я мешать не буду.

Николай входит, Шаблова уходит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Лебедкина и Николай.

Николай (кланяясь). Чему обязан счастьем?...

Лебедкина. Уж скажите лучше: блаженством.

Николай (сухо). Что прикажете?

Лебедкина. Ничего не прикажу. Хотите кататься?

Николай. Что такое? Не понимаю.

Лебедкина. Очень просто, я хочу прокатиться и приглашаю вас с собой.

Николай. И вы не нашли никого, кроме меня? Кажется, у вас в провожатых недостатка нет.

Лебедкина. Ну, положим, что это мой каприз.

Николай. Нынче у вас каприз: приласкать человека, завтра каприз: оттолкнуть, чуть не прогнать его. Как хотите, а уважая себя и желая себе спокойствия, при всей...

Лебедкина. Договаривайте! Я позволяю.

Николай. При всей любви к вам, стараешься быть подальше от ваших капризов.

Лебедкина. Вы не знаете женщин. Их капризами нужно уметь пользоваться; женщина из каприза способна на многое.

Николай. Я не Дон-Жуан.

Лебедкина. Не всё Дон-Жуаны, иногда нравятся и мечтатели, идеалисты. (Помолчав.) Говорят, в Стрельне зимний сад хорош.

Николай. Да, говорят.

Лебедкина. Вот бы съездить.

Николай. Что ж, поезжайте!

Лебедкина. Да ведь Стрельна все-таки трактир, одной ехать неприлично.

Николай. А вдвоем с молодым мужчиной?

Лебедкина. Тоже неприлично. Но я из двух зол всегда выбираю то, которое приятнее. Посидеть под пальмой... и пообедать можно. Чего вы боитесь! Я вас не задержу, я вас обратно домой привезу, я заеду оттуда к вам чай пить. Ну, будьте полюбезнее!

Николай. Пожалуй!

Лебедкина. Ах, милый друг мой, как иногда бывает скучно жить на свете!

Николай. Ну, вам еще можно жить, а мне вот...

Лебебкина. Разве и вы тоже несчастны? Бедненький. А бежите от женщины! Да кто же может так утешить, как женщина? Дайте мне вашу руку!

Николай (*подавая руку*). Об чем же вы плачете?

Лебебкина. Ах, мой милый друг, как тяжело жить женщине без опоры, без руководителя! Вы не знаете. Я очень несчастна.

Николай. Видно, мне придется вас утешать, а не вам меня.

Лебебкина. О нет! это у меня на одну минуту; я сейчас опять развеселюсь. (*Подходит к двери и громко.*) Прощайте!

Выходят: Шаблова и Дормедонт и помогают Лебебкиной одеваться.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Лебебкина, Николай, Шаблова, Дормедонт, потом Людмила.

Лебебкина (*Шабловой*). Я твоего сына беру с собой.

Шаблова. Да возьмите, благо вам удовольствие. Чего он дома-то не видал.

Лебебкина. Мы в парк едем.

Шаблова. Разгуляйтесь! Неужто ж на месте сидеть? Еще мысли в голову полезут. А что за охота думать-то; нам не книги сочинять. От думы-то вред бывает.

Лебебкина (*Николаю*). Ну, идемте! (*Поет из «Периколы».*) «Я готова, я готова!»

Николай берет шляпу, повязывает на шею кашне.

Входит Людмила и, не раздеваясь, останавливается у своей двери.

Поживей, поживей, мой милый кавалер! (*Шабловой.*) Прощай, душа моя! Жди, мы вернемся к тебе чай пить.

Шаблова. Милости прошу.

Уходят: Лебебкина, Николай, Шаблова и Дормедонт.

Людмила. Отец говорит, что богатые люди в наше захолустье за добром не ездят. У меня что-то непокойно сердце; мне кажется, что это посещение не к добру. (*Раздевается и подходит к окну.*)

Дормедонт возвращается.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Людмила и Дормедонт.

Дормедонт (*про себя*). Вот случай-то! Вот когда в самый раз. Людмила Герасимовна, не прикажете ли чего папеньке сказать? Я иду, он мне велел в окружной суд приходить.

Людмила. Нет, ничего.

Дормедонт. Людмила Герасимовна, видите?

Людмила. Что?

Дормедонт (*указывая на окно*). Брат-то, точно барон какой развалился в коляске. Вот стыда-то у человека нет! Ему бы скрываться. Ух, покатили!...

Людмила (*сидя у стола*). Зачем скрываться?

Дормедонт. От добрых людей, ну и от кредиторов. Ведь его на цугундер, Людмила Герасимовна.

Людмила. Что, что?

Дормедонт. Завтра в яму опустят.

Людмила (*с испугом*). Как? в какую яму?

Дормедонт. К Воскресенским воротам, за долги: беспрременно-с ему сидеть, и долго сидеть. Я сам и исполнительный лист видел, и кормовые представлены; только маменьке не сказываю; что ее беспокоить!

Людмила чуть не падает; облокачивается на стол и поддерживает голову руками.

Да и поделом ему! Конечно, по родству, жаль. Мы с вами, Людмила Герасимовна, станем навещать его – все-таки брат. Калачиков ему будем носить. Так ведь, Людмила Герасимовна? Ай, что такое? Маменька, Людмила Герасимовна умирает!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

Шаблова.

Николай.

Дормедонт.

Людмила.

Лебедкина.

Декорация та же.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Людмила сидит у окна, Шаблова стоит подле нее.

Шаблова. Самовар-то весь выкипел. Ишь закатились! Да и то сказать, что им торопиться-то! Сидят проклажаются, едят стерлядей да шампанское пьют. Уж нечего сказать, Варвара Харитоновна пожить умеет, со вкусом женщина. Ну, а моему это на руку: замашки барские, деньжонок нет; а с ней-то и в коляске проедется, и сигару выкурит, развалясь, – будто и в самом деле помещик. А вот и они катят.

Людмила. Сделайте одолжение, Фелицата Антоновна, когда эта дама уедет, скажите мне: мне необходимо поговорить с Николаем Андреичем. Отдохну пойду, я так сегодня устала, много ходила. *(Уходит.)*

Входят Лебедкина и Николай.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Шаблова, Лебедкина и Николай.

Шаблова *(помогая раздеваться Лебединой).* Ну вот, матушка

Варвара Харитоновна, опять я вас вижу. Эко счастье! В день по два раза. И самовар-то, точно знает, для кого поставлен, так-то старается, надселя, кипевши.

Лебедкина. Пей сама, я пила уж.

Шаблова. Да нельзя же! Хоть одну чашечку.

Лебедкина. погоди, Фелицата Антоновна, не мешай нам; у нас интересный разговор.

Шаблова. Ну, как угодно. Может, после выпьешь, я подожду.

Николай. Людмила Герасимовна дома?

Шаблова. Дома; да ничего, она отдохнуть легла.

Николай (Лебедкиной). Во всяком случае, разговаривайте потише.

Лебедкина. А я тебе на твоего сына жалуюсь, может помочь мне, а не хочет.

Шаблова. Что это ты в самом деле, Николай! Ты меня не стыди перед благодетельницей! Важность-то надобно оставить. Мы для Варвары Харитоновны всё должны... как рабы... не разбирая.

Николай. Хорошо, маменька, хорошо!

Шаблова. Да, кажись... да заставь она меня человека убить – убью для нее, право; а не то что малость какую.

Лебедкина. Полно, Фелицата Антоновна, я шучу.

Шаблова. Да какие шутки! Нет, уж он такой зародился, ничего-то для дому. У нас, матушка, у бедных людей, кто в дом несет, тот и радеть.

Николай. Прежде нужно честно добыть, да потом в дом и нести.

Шаблова. Нет-то мне ничего противней этой твоей философии. Когда твоей чести дождешься-то, а есть-то всякий день хочется; так уж честно ль, не честно ль, а в дом тащить ты обязан.

Лебедкина. Оставь нас на минуту, нам поговорить нужно.

Шаблова уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Николай и Лебедкина.

Николай. Ух, пообедали же мы!

Лебедкина. А вы не засните!

Николай. Не мудрено.

Лебедкина. Ну, как же, как же, друг мой? Говорите! Проснитесь!

Николай. Вот вам мой совет: привозите деньги, завтра же привозите! Другого вам ничего не остается.

Лебединна. Хорош совет! Покорно благодарю! Вдруг столько отдать...

Николай. Об чем тут толковать! Сейчас деньги, сейчас; тогда только я своим влиянием обещаю спасти вас от уголовного суда. Ведь вы сами говорили, что поручительство фальшивое.

Лебединна. Ну, что ж такое! Если бы я попросила, муж никогда бы мне не отказал, значит, это все равно.

Николай. Да ведь вы не просили? Ведь подпись не его!

Лебединна. Как вы странно рассуждаете! Как же он мог подписать, когда был в параличе!

Николай. А это подлог. Ведь за это знаете что бывает?

Лебединна. Ах, да не пугайте! Я знаю, что за это очень нехорошо.

Николай. Так привозите деньги. Нет, так достаньте, займите за какие бы то ни было проценты.

Лебединна. Ах, как не хочется...

Николай. Да ведь вы должны, ведь вы под этот документ брали деньги.

Лебединна. Вот мило, какие резоны! Разумеется, брала. Да ведь уж я те деньги, которые брала, истратила, а теперь должна отдавать свои. Поймите вы меня!

Николай. Поверьте вы мне, что я вам предлагаю самое лучшее, что только возможно.

Лебединна. Нет, вы меня не любите, оттого так и говорите. Это не самое лучшее. Я поверить не хочу, чтобы нельзя было уговорить стряпчего обмануть этого Дороднова. Взял бы половину, а за хлопоты вы разделите пополам.

Николай. Как вы хотите, чтоб я к честному человеку обратился с таким предложением! Как он посмотрит на меня? Что он мне скажет прямо в глаза?

Лебединна. Ну, так сделайте то, что я вам говорила.

Николай. Невозможно.

Лебединна *(тихо)*. Да ведь она вас любит ужасно, ведь вы сами говорили. Разве можно отказать в чем-нибудь тому, кого любишь? Я по себе сужу.

Николай. Ведь это чистое создание.

Лебединна. И прекрасно. Тем легче обмануть. Тогда половина ваша. Деньги хорошие, мой друг, и не лишние для вас.

Николай. Не искушайте меня деньгами! Я в крайности, в ужасной

крайности; за себя поручиться нельзя, может найти минута слабости, и упадешь так низко... Меня завтра поведут в яму за долги, меня ожидает срам, унижение. Пожалейте меня, не искушайте!

Лебедкина. Так спасайте себя от срама, вот вам средство.

Николай. Есть и другое.

Лебедкина. Это так легко.

Николай. То еще легче... Я скорей себе пулю в лоб...

Лебедкина *(со слезами)*. Но что ж мне делать? У меня денег нет, достать мне негде, кто мне поверит? Я так много должна.

Николай. Слезы не помогут, нужно действовать. У вас есть вещи, брильянты?

Лебедкина *(со слезами)*. И даже очень много.

Николай. Вот и прекрасно. Надо их заложить в опекунский совет.

Лебедкина. Да, в опекунский совет, только я не знаю, как это...

Николай. Я вам помогу.

Лебедкина. Покорно вас благодарю. Вы мой истинный друг.

Николай. Завтра пораньше поедemте вместе.

Лебедкина. Ну, вот видите, как все это прекрасно улаживается. *(Хохочет.)* Ха, ха, ха!

Николай. Что с вами? Чему вы смеетесь?

Лебедкина. И вы хотите, чтоб я рассталась с своими вещами? Да вы с ума сошли! Вот потеха! *(Смеется.)*

Николай. Извините, пожалуйста, я единственно из расположения...

Лебедкина. Ах, какой вы чудак! Да можно ль советовать такой женщине, как я, заложить вещи, брильянты?

Николай. Да что же делать-то?

Лебедкина. Нет, вы еще очень молоды. Неужели вы думаете, что у меня таких денег нет, что мне в самом деле трудно их найти? Столько-то денег я вам через час доставлю.

Николай. Так в чем же дело? я не понимаю.

Лебедкина. А в том, что хоть этот долг для меня и не очень важен, а мне его не хочется платить. Двенадцать тысяч, для кого бы то ни было, составляют расчет. И вот мне хотелось испытать, стоите ли вы моей любви, которой вы так давно добиваетесь.

Николай. Да, это совсем изменяет дело.

Лебедкина. Давно бы вам нужно было догадаться.

Николай. Но я не понимаю, как вы можете полюбить человека, который сделал гадость, хоть бы и для вас.

Лебедкина. Не беспокойтесь! Я и сама не очень добродетельна, и

других сужу не строго. Если я вижу, что человек мне предан без границ, я и сама готова для него на всякие жертвы.

Николай. Об этом стоит подумать.

Лебедкина. Как? Вы еще хотите думать? Вы можете колебаться? Да ведь близко, ведь перед вами то, чего вы так долго и напрасно искали. Я не знаю, любите ли вы меня, но я знаю наверное, что вы самолюбивы... удовлетворение самолюбия...

Николай. Ах, черт возьми! вы меня сводите с ума.

Лебедкина. На ум навожу. Получить большие деньги, пользоваться расположением женщины, известной в обществе, за которой все ухаживают, возбуждать зависть, ревность! Для этого можно кой-чем пожертвовать. Вы очень милы, умны, но ведь все-таки вы...

Николай. Ничтожество перед вами. Конечно, я должен сознаться.

Лебедкина. Нет, это слишком. Зачем унижаться. Я вам скажу помягче: вы не из тех мужчин, которые опасны для нас. Вы не можете, не имеете средств преследовать... вас надо самой... отыскивать... в захолустье. Оцените это.

Николай. Ценю.

Лебедкина (*целует его*). До завтра времени много... Я привезу, на всякий случай, все деньги и посмотрю, любите ли вы меня. Позволяю и вам поцеловать меня вот здесь. (*Подставляет ему щеку.*) Фелицата Антоновна, еду.

Шаблова за сценой: «Со всех ног, матушка, бегу!»

Что вы задумались?

Николай. Мне кажется, я помешаюсь.

Входит Шаблова.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Николай, Лебедкина и Шаблова.

Шаблова. Уж и домой? Что ж мало погостили?

Лебедкина (*тихо*). Ну вот! Ведь ты мои дела знаешь, может, и сбудется, что ты пророчила, может, и придет, так надо быть дома.

Шаблова. Уж в таком случае задерживать не смею, поезжайте, поезжайте!

Лебедкина (*Николаю*). Прощайте! Целуйте! (*Протягивает ему руку.*)

А то перчатку надену. Прикладывайтесь, пока не тесно! (*Шабловой.*) Ну, прощай! (*Тихо.*) Вот это тебе! (*Дает ей крупную ассигнацию.*) Забеги как-нибудь! (*Запевает.*) «Пьяная улица»...

Шаблова (*целуя Лебедкину в плечо*). Ах ты птичка! Ах ты птичка, ах ты птичка моя райская!

Лебедкина уходит. Шаблова и Николай ее провожают. Входит Людмила.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Людмила, потом Николай и Шаблова.

Людмила. Кажется, она уехала наконец. Ждала, ждала, думала, думала... Но что же тут придумаешь! Тут нужны деньги. Видеть позор любимого человека!... Несчастье видеть легче, чем позор! Молодой человек, полный сил, умный... и его запирают в тюрьму вместе с промотавшимися развратниками, с злостными банкротами. Я не выдержу, слезы хлынут у меня.

Входят Шаблова и Николай.

Шаблова (*Людмиле*). Вот вам и Николай; вы его видеть хотели. (*Николаю.*) Ну, повалило тебе счастье; от женщин отбою нет. Вот жизнь-то тебе пришла. (*Уходит.*)

Людмила. Не мешаю я вам?

Николай. Нисколько.

Людмила. Вы как будто расстроены? Вы беспокоитесь? Может быть, ожидаете чего-нибудь дурного?

Николай (*пристально смотрит на нее*). Вы знаете? Скажите, вы знаете?

Людмила. Знаю.

Николай. Только не презирайте меня, пожалуйста.

Людмила. Нет, за что же?

Николай. Ну, вот и хорошо, меньше хлопот, Оправдываться не нужно.

Людмила. Оправдываться не нужно. Но если б вы были так добры...

Николай. Для вас все, что вам угодно.

Людмила. Мне нужно знать подробно о вашем настоящем положении.

Николай. Извольте.

Людмила. Только все, все, ради бога, ничего не скрывайте.

Николай. Вы просите не скрывать ничего; значит, вы подозреваете за мной что-нибудь очень дурное.

Людмила. Если б я подозревала, я б вас не любила.

Николай. Вся беда моя в том, что я должен много.

Людмила. Да, да, мне только и нужно знать, как вы задолжали, кому, сколько.

Николай. А вот когда я был маленьким Жюль-Фавром и воображал, что я первый адвокат в Москве, я зажил очень широко. После студенческого безденежья, да вдруг тысячи три-четыре в кармане, ну голова-то и закружилась. Обеды да кутежи, обленился, да и дел серьезных не было, и оказалось к концу года, что денег нет, а долгов, хотя небольших, довольно. Вот тут-то я и сделал непростительную глупость, от которой теперь погибаю.

Людмила. Что же вы сделали?

Николай. Я подумал, что бросать мне этот образ жизни не следует, чтоб не растерять знакомства. Занял в одних руках значительную сумму за большие проценты, уплатил все мелкие долги и зажил опять по-прежнему, в ожидании будущих благ. Все мне казалось, что получу большой процесс. Ну, а дальше уж просто. Процесси большого я не получил, деньги прожил, а долг, как петля на шее. Петля давит, тоска, отчаяние... А от тоски праздная, трактирная жизнь... Вот и вся моя нехитрая история.

Людмила. Много вы должны?

Николай. Тысячи три. Для меня сумма огромная.

Людмила. И у вас нет надежды поправить ваши дела?

Николай. Никакой.

Людмила. И в виду нет ничего?

Николай. Ничего.

Людмила. Вам остается только...

Николай. Идти в тюрьму. Да. Как мне нездоровится! Как голова горит!

Людмила. Погодите, я принесу одеколону.

Уходит. Николай садится на кресло и опускает голову. Людмила выносит из своей комнаты в одной руке бурнус и платок, в другой склянку одеколону; бурнус оставляет на стуле у двери, наливает одеколону на руку и примачивает голову Николаю.

Николай. Благодарю, благодарю.

Людмила. Кому вы должны?

Николай. На что вам знать! Есть такой ростовщик, известный всей Москве.

Людмила. Говорите скорей фамилию. *(Хочет надевать бурнус.)* Я пойду просить его, чтоб он вам отсрочил. Буду умолять, плакать перед ним...

Николай. Напрасно. Ничто не поможет; это не человек, а железо. Останьтесь!

Людмила *(подходя к Николаю).* Но как же вам помочь?

Николай. Никак нельзя. Я сделал глупость, которую нельзя ничем поправить... Нет... то есть можно.

Людмила. Говорите, говорите!

Николай. Я сделал глупость и запутался; чтобы распутаться, нужно сделать...

Людмила. Что сделать? *(Кладет руки на голову Николая.)*

Николай. Ах, как хорошо мне!

Людмила. И мне хорошо.

Входит Дормедонт.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Николай, Людмила и Дормедонт.

Дормедонт *(про себя).* Вот оно что! Ловко, брат! *(Громко.)* Людмила Герасимовна, я от вашего папеньки-с.

Людмила подходит к нему.

Вот приказали вам отдать. *(Подает сложенную бумагу. Людмила раскрывает и рассматривает.)* Чтоб сейчас, говорит, в портфель и на ключ.

Людмила. Хорошо, хорошо. *(Прячет бумагу в карман)* Больше ничего?

Дормедонт. Ничего-с. Но каково доверие мне-то-с! Тебе, говорит, я поверю, ты не то, что брат.

Николай. Он это сказал?

Людмила. Не сердитесь на папашу! Он что-то не любит вас. Это оттого, что он вас не знает.

Дормедонт. Брату твоему, говорит, гроша не поверю, а тебе могу.

Николай. Ну, хорошо же! *(Дормедонту.)* Поди вон!

Дормедонт. Ты что куражишься? Я к Людмиле Герасимовне с благородными намерениями, не то, что ты.

Николай (*Людмиле*). Бросьте его! Подите ко мне!

Дормедонт. Мне, Людмила Герасимовна, серьезно нужно с вами поговорить, очень серьезно.

Людмила. Да, да. Я очень рада. И мне нужно, только не теперь, после как-нибудь.

Николай. Говорят тебе, поди вон!

Дормедонт. Пойду. Ты не знаешь... Погляди, что еще у нас будет с Людмилой Герасимовной! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Николай и Людмила.

Людмила. Вы сказали, что есть средство...

Николай. Да, есть. Я сделал глупость и запутался; чтобы распутаться, нужно сделать...

Людмила. Что?

Николай. Преступление.

Людмила (*отстраняясь*). Ужасно! Что вы говорите!

Николай. Вы требовали от меня откровенности, я говорю правду. Чтоб выпутаться из долга, чтоб избавиться от сраму, мне остается только одно средство – сделать преступление.

Людмила. Как легко вы говорите о таких вещах!

Николай. Вы очень чисты, вы редко слышите такие разговоры...

Людмила. Не делайте, не делайте преступления! О, боже мой! О, боже мой! Но если оно необходимо, заставьте меня, прикажите мне... Я сделаю... Какое преступление?

Николай. Воровство.

Людмила. Гнусно, гадко!

Николай. Да, некрасиво.

Людмила. Не шутите. Я исстрадалась, измучилась, слушая вас.

Николай. Так успокойтесь! Что вам напрасно страдать! Предоставьте меня моей судьбе. (*Хочет идти.*)

Людмила. Нет, постойте! Не отталкивайте меня! Я решилась сделать все для вас... Что бы вы ни задумали, я ваша сообщница. Что украсть? У кого?

Николай. У вашего отца.

Людмила. Вы смеетесь над моим горем! У моего отца нечего украсть.

Николай. Заемное письмо той женщины, которую вы сегодня видели, передано вашему отцу. Ей платить не хочется всех денег, и она предлагала мне половину, если я его украду.

Людмила. Ах, какие страдания! *(Отирая слезы.)* Что ж, этих денег достаточно, чтоб спасти вас?

Николай. Даже слишком.

Людмила. И когда вы заплатите долг, вы бросите праздную жизнь и будете трудиться?

Николай. Разумеется. Я не только брошу, я прокляну прежнюю жизнь; такой урок научит хоть кого. Испытать в другой раз, что я испытываю теперь, сохрани меня бог. Что у меня впереди, по выходе из тюрьмы, какая карьера? Быть писарем в квартале, и то надо кланяться, чтоб пустили. Репутация моя погибла навсегда. И если б мне удалось как-нибудь избавиться от этой напасти, клянусь вам всем святым на свете, я сделаюсь хорошим человеком. Но спастись мне, Людмила Герасимовна, невозможно. Не думайте обо мне дурно, успокойтесь! Чтоб спасти себя, я не стану искать никаких безнравственных средств. Я краснею за себя: как я мог колебаться, как я мог слушать, без негодования, это гнусное предложение!

Людмила. Милый, благородный человек! Но как же спасти вас? Я люблю вас. Для меня нет жизни без любви к вам.

Николай. Не тревожьте себя, успокойтесь! Я сделал глупость, я и должен поплатиться. Да вот что... возвратите-ка мне револьвер.

Людмила. Нет, нет, это тоже преступление, еще хуже.

Николай. Не бойтесь! Что вы! Я не решусь... разве уж очень невыносимо станет.

Людмила *(делает несколько шагов к двери, останавливается в задумчивости, потом вынимает бумагу, принесенную Дормедонтом, и подает Николаю).* Вот, возьмите!

Николай. Что это? *(Рассматривает бумагу.)* Заемное письмо Лебедкиной! Нет, я не приму от вас этой жертвы.

Людмила. Возьмите, возьмите! Пусть оно будет у вас, делайте с ним, что хотите, это ваша воля.

Николай. Невозможно, невозможно! Что вы! Опомнитесь!

Людмила. В моих руках есть средство... я должна помочь вам... Другой любви я не знаю, не понимаю... Я только исполняю свой долг. *(Идет к двери.)*

Николай. Вы свой долг исполнили, теперь уж и я знаю, что мне нужно сделать.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЛИЦА:

Маргаритов.

Людмила.

Шаблова.

Николай.

Дормедонт.

Лебедкина.

Декорация та же.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Шаблова, потом Лебедкина.

Шаблова (заглянув в печь). Прогорели совсем дрова, хоть закрывать, так в ту ж пору. Угару бы не было! Ну, да ведь голова-то своя, а за дрова деньги плачены. Что тепло-то на ветер пускать! Аль погодить? Кого это бог несет? Какая-то женщина, да словно как незнакомая. Отпереть пойти. *(Идет в переднюю и отпирает.)*

Входит Лебедкина, просто одетая и покрытая на голове платком.

Пожалуйте! Кого вам угодно?

Лебедкина (снимая платок). Ты меня не узнала?

Шаблова. Ах, матушка Варвара Харитоновна! И то не узнала. Как это ты подкралась?

Лебедкина. Я на извозчике; в карете-то ездить в вашу сторону неловко; сейчас явятся любопытные: кто приехал, да к кому, да зачем; прислуга болтлива. А мне не хочется, чтоб знали, что я у тебя была сегодня.

Шаблова. Да и не узнает никто.

Лебедкина. Стряпчий дома?

Шаблова. Нет, матушка, ушел спозаранку.

Лебедкина. А дочь его?

Шаблова. Она не войдет, что ей здесь делать! Мы только по вечерам здесь работаем вместе, чтобы врознь лишней свечи не жечь; а то целый день сидит в своей комнате. Да нынче же либо больна, либо расстроена... Тебе что нужно-то, дорогая моя?

Лебедкина. Николая Андреича.

Шаблова. Сейчас покличу. А ты не беспокойся, я постерегу; коли стряпчий придет, я тебя спрячу. (*Уходит в переднюю.*)

Входит Николай.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Лебедкина и Николай.

Лебедкина. Здравствуйте!

Николай молча кланяется.

Вот я приехала.

Николай. Вижу. Привезли деньги?

Лебедкина. Привезла.

Николай. Все?

Лебедкина. Все... А разве все нужны?

Николай. Конечно. Вы на что же надеялись?

Лебедкина. На вас, мой друг.

Николай. За кого же вы меня принимаете?

Лебедкина. Я вас всегда принимала за благороднейшего человека; но вы так меня любите... Для любимой женщины можно решиться...

Николай. И вы совершенно уверены в любви моей?

Лебедкина. Да разве это не правда, разве я не вижу по глазам вашим...

Николай. Вы проницательны. Вероятно, вам не раз приходилось испытывать силу ваших прелестей над мужскими сердцами?

Лебедкина. Да, бывало. Я в этом счастлива, для меня жертвовали очень многим.

Николай. Так что вы несколько бы не удивились, если бы и я...

Лебедкина. Чему тут удивляться, мой друг!

Николай. Да, вы правы. (*Подает ей бумагу.*)

Лебедкина (*взглянув мельком, прячет бумагу*). Ах! Я так и ожидала. Благодарю вас, милый друг мой! Вот этой любви, этой страсти можно поверить.

Николай. И наградить.

Лебебкина. Да, конечно, вы стоите. Но, милый мой Николай Андреич, подождите немного. Ведь сердцем нельзя располагать по произволу... если оно занято, что ж делать?

Николай. Но, кроме сердца вашего...

Лебебкина. Деньги, хотите вы сказать? О! деньги я отдам. Хотя не вдруг – я сама нуждаюсь; но я вам понемногу выплачу все, что обещала – это мой первый долг.

Николай. Но позвольте! я дело сделал: у вас в руках ценный документ, а у меня ничего, только одни обещания, слова, которые не имеют никакой цены. Вы меня обманываете.

Лебебкина. Нет, я все исполню, только не вдруг. Подождите!

Николай. Возвратите мне документ!

Лебебкина. Вы либо сами очень просты, либо меня за дурочку считаете, мой друг.

Николай. В таком случае, я заявлю, что вы похитили у меня документ; вас обыщут... Я вас не выпущу отсюда.

Лебебкина. Ах, как страшно! Вы так не шутите! Ну что, если б я была женщина нервная, ведь вы бы меня ужасно перепугали. Хорошо еще, что у меня есть характер и никогда я не теряю присутствия духа. Вот и теперь я поступлю очень ловко и осторожно. *(Идет к печке.)*

Николай. Что вы делаете?

Лебебкина *(бросая бумагу в печь)*. Посмотрите, как весело горит: как быстро исчезают строчки! Вот даже и пепел улетел в трубу, не осталось и следа моего долга.

Николай. Мне уж остается только удивляться вам.

Лебебкина. Ох, отлегло от сердца! Мне теперь совсем легко.

Николай. Верю.

Лебебкина. Как скоро и просто это сделалось! И знаете ли, мне и винить себя не в чем. Все чужими руками, не правда ли, я почти не виновата.

Николай. Разговаривайте, разговаривайте, я слушаю.

Лебебкина. Что вы так презрительно смотрите на меня? Вы разве лучше? Конечно, я предлагала деньги; но ведь надо было, чтоб нашелся такой джентльмен, который бы решился на такой подвиг. Когда за деньги все на свете можно сделать, поневоле соблазнишься. Я себя, как вам угодно, виноватой не считаю. Да мне бы и в голову не пришло; я живу хоть и открыто, но окружена все людьми более или менее порядочными. Ведь надо ж было, чтоб в наше общество явился такой милый, обязательный

молодой человек, такой любезный, который... конечно, за деньги...

Николай. Ну, довольно уж! Дайте и мне поговорить немножко! Вы, поручая мне это нечистое дело, желали испытать, стою ли я любви вашей; по крайней мере вы так говорили. Ну, представьте себе, что и я, доверяясь вам, тоже желал испытать, стоите ли вы моей любви.

Лебедкина. И оказалось, что не стою. Очень жаль! Но что ж делать, на всех не угодишь. Впрочем, вам легко утешиться, вас любит девушка, которая, вероятно, имеет все достоинства, нужные для вас. Вы можете быть счастливы с ней.

Николай. Да, уж постараюсь.

Лебедкина. И прекрасно. Я не завистлива.

Входит Шаблова.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Лебедкина, Николай, Шаблова, потом Дормедонт.

Шаблова. Стряпчий, матушка, идет, я его издали признала.

Лебедкина (*покрываясь платком*). Спрячь меня покуда, душа моя; а когда он придет, ты меня выпроводи.

Шаблова. Я тебя задним крыльцом провожу.

Лебедкина. Помни, Фелицата Антоновна, я у тебя не была и ты меня не видала.

Шаблова. Хорошо, матушка, не видала, в глаза не видала. Уж зачем тебе это нужно, я не знаю; а только, хоть побожиться, не видала. Чай, тоже ведь у тебя свои резоны есть.

Лебедкина. Само собой. Карету я оставила близехонько, у зоологического сада; погуляю да минут через десять опять к тебе подкачу, уж тогда, значит, взаправду приехала.

Шаблова. Да как твоей душеньке угодно, так и будет. Твори, что только в голову тебе придет, а наше дело потрафлять по тебе.

Николай. Как все это тонко и хитро!

Лебедкина. Нам, женщинам, нельзя жить без хитростей.

Шаблова. Вот правда-то, вот слова-то твои справедливые! Схитришь да солжешь, только и проживешь в свое удовольствие.

Лебедкина. Ну, идем! Скажи своему сыну, что я у него в долгу не останусь.

Шаблова. И говорить не хочу. Разве он смеет сомневаться.

Лебебкина и Шаблова уходят. Входит Дормедонт.

Дормедонт. Присесть за дело! (*Разбирает бумаги на столе.*) С одной только доверенности семь копий писать. Хоть бы помог, что ли, в самом деле.

Николай. Давай, я наверху займусь; а ты, Дормедонт, сделай милость, кликни меня, когда Людмила Герасимовна выйдет из своей комнаты, мне нужно поговорить с ней прежде, чем она увидится с отцом.

Дормедонт. Хорошо, кликну.

Николай уходит.

Как же, дожидайся! Не о чем тебе с Людмилой Герасимовной разговаривать, у тебя только пустяки на уме. Нет, уж я, брат, глупостям не потатчик. Сиди себе наверху. Видно, не с чем в трактир идти, так ему скучно стало.

Входит Маргаритов.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дормедонт и Маргаритов.

Маргаритов. Что ты смотришь на меня! Пиши, пиши! Устал, брат, я; хлопот куча, а уж стар становлюсь, не прежняя пора. А теперь бы мне бодрость-то и нужна; повалили дела, Дормедонт, повалили процессы. Вчера у Дородного был я на вечере, собралась эта пьющая компания, все тузы – замотали меня совсем: у того дело, у другого тяжба, у третьего иск. «Покажи, говорят, нам свою честность, так мы тебя озолотим». Честность! Да я, говорю, честней вас всех. «Ну, говорят, и покорно благодарим». Теперь только бы кончить дела два-три хороших, зарекомендовать себя; а то деньги-то лопатой гребь. Что, Людмилочка не выходила?

Дормедонт. Не выходила-с.

Маргаритов. Принесла мне давеча стакан чаю, сунула ключи от комода и ушла в свою комнату. Я-то занят был и словечка с ней не перекинул. Уж здорова ли?

Дормедонт. Не знаю-с.

Маргаритов. Пиши, пиши! Я только портфель возьму да к тебе подсяду. Пишешь ты довольно четко, а зато уж врешь ты так, что только руки врозь разведешь.

Дормедонт. Врать я здоров-с, но без умыслу, Герасим Порфирьич, от мечты-с.

Маргаритов. Уж ты не мечтай, когда дело делаешь. А то третьего дня, вместо «департамент», написал: «фиксатуар», да еще как четко вывел-то.

Дормедонт. Это я завиться думал, так, чтоб волосы крепче держались, фиксатуар-то в уме и держал.

Маргаритов *(качая головой)*. Надо «департамент», а ты «фиксатуар».

Дормедонт. Уж я теперь фиксатуара писать не стану-с.

Маргаритов. Ну, какой фиксатуар? Зачем фиксатуар? А ты пишешь!... *(Уходит.)*

Дормедонт. Нет, шабаш! Мечтать мне невозможно. Все, что есть в голове, все и напишешь. Вот недавно гербовый лист в сорок копеек испортил, а ведь это расчет. Надо копию с купчей, «лета такого-то» выводить, а я: «Кольцо души девицы я в море уронил», да уж на четвертом стихе только опомнился да себя по лбу-то ударил.

Маргаритов входит с портфелем и садится у стола.

Маргаритов. «Докажи нам свою честность!» Каково это слышать, Дормедонт! Да чем же я, говорю, свою бесчестность доказал? Вы, говорю, сами ко мне придите честности-то поучиться. Много ль у нас документов? посмотри-ка по списку.

Дормедонт. Шестнадцать, а семнадцатый я вчера принес.

Маргаритов *(перебирая бумаги)*. Вы, говорю, сами народ обманываете; так будь ты, говорят, один между нами честный человек, нам очень нужно. Четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать... Где же семнадцатый?

Дормедонт. Поищите!

Маргаритов. Где семнадцатый? Подай сюда список.

Дормедонт *(подавая)*. Извольте-с.

Маргаритов проверяет по списку.

Да уж все тут; ошиблись, обсчитались.

Маргаритов. Заемного письма Лебедкиной нет.

Дормедонт. Тут.

Маргаритов. Нет, говорят тебе.

Дормедонт. Тут.

Маргаритов. Нет. Смотри сам.

Дормедонт. Не может быть, не верю!

Маргаритов. Ах ты глупый!

Дормедонт. Не может быть. Потому честность у нас: вы отдали мне, велели домой снести, а у меня все одно, что у вас в кармане, так же честно

и благородно. Я отдал Людмиле Герасимовне, они еще честней нас с вами; говорю: положите в портфель; ну, значит, оно в портфеле. Вот хоть убейте, хоть к присяге ведите.

Маргаритов, перебрав еще документы, пристально смотрит на Дормедонта.

Что вы так смотрите? Что вы так страшно на меня смотрите?

Маргаритов. Ты разбойник!

Дормедонт. Ну, нет-с. Не надеюсь, Герасим Порфирьич; не надеюсь быть разбойником.

Маргаритов. Кто из вас бегал к Лебедкиной? Или она сама была здесь? Говори!

Дормедонт. Вчера была-с, даже два раза была-с.

Маргаритов. Ты разбойник!

Дормедонт (со слезами). За что обижаете?

Маргаритов (С отчаянием). Продали!

Дормедонт. Возможно ли продать, коли я его Людмиле Герасимовне отдал? Не в портфеле, так у них.

Маргаритов. Позови ее ко мне.

Дормедонт (у двери). Людмила Герасимовна, можно войти? *(Маргаритову.)* Не отвечают.

Маргаритов. Постучи хорошенько!

Дормедонт (стучит, дверь сама отворяется). А-а-й! Караул! *(Дрожит и топает ногами.)*

Маргаритов. Что такое?

Дормедонт. Убита! Герасим Порфирьич, убита, без движения! А-а-й!

Маргаритов (идет, шатаясь). Как? Неужели? Кто ж из вас?

Из двери выходит Людмила, протирая глаза спросонков.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Маргаритов, Дормедонт и Людмила.

Людмила (Дормедонту). Ах, как вы меня испугали!

Дормедонт (тихо). А зачем же у вас на столике, возле кровати, пистолет?

Людмила. Не ваше дело, молчите, пожалуйста! *(Отцу.)* Я ночью почти не спала, прилегла теперь и так сладко заснула.

Маргаритов (*Дормедонту*). Ах ты глупец! Ах ты глупец! Что ты со мной делаешь?

Дормедонт. Нет, вы спросите, что со мной-то было! Был ли я жив? У меня по сю пору сердце-то, как овечий хвост, дрожит.

Маргаритов. Ну, садись, пиши! Да не наври с перепугу-то.

Дормедонт. Так буду стараться, что на удивление.

Маргаритов. Людмила, отдал он тебе заемное письмо Лебедкиной?

Людмила. Отдал.

Дормедонт. Что? Говорил я вам.

Маргаритов. Извини, брат! Ну, теперь я спокоен. Пиши! пиши!

Дормедонт. Честность необыкновенная.

Маргаритов (*Людмиле*). Так оно у тебя?

Людмила. У меня его нет.

Маргаритов. Где ж оно?

Людмила. Я отдала его.

Маргаритов. Как! Кому отдала? Зачем?

Людмила. Так нужно было; я не могла иначе поступить.

Входит Николай и останавливается вдали.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Маргаритов, Людмила, Дормедонт и Николай.

Маргаритов. Как! Как не могла! Дочь моя, ты ли это говоришь? Ты не могла сохранить, уберечь чужого, что нам не принадлежит, что доверили твоему отцу, надеясь на его честность? Я ничего не понимаю.

Людмила. Да, не могла сохранить.

Маргаритов. Или я стар и глуп стал, или все перевернулось на свете – ни чужой собственности, ни честности не стало, воровство перестали называть воровством!

Людмила. Я не могла иначе поступить.

Маргаритов. Скажи ты мне, какими хитростями, ловушками поймали тебя? Каких дьяволов вызывали из ада, чтоб обмануть, обольстить твою праведную душу?

Людмила. Ничего не было: никто меня не обольщал, не обманывал, я сама отдала. Я видела, что человек гибнет, что если не помочь ему сейчас же, ему грозит позор и, быть может, самоубийство. Когда мне было думать!

Надо было помогать, спасать, отдавать все, что только было под руками.

Дормедонт *(в слезах)*. Брат, мучил ты нас, мало тебе этого; погубить ты нас захотел совсем.

Маргаритов. Так это он?

Людмила. Он.

Маргаритов. Вот когда я нищий, презренный старичишка! Был я беден, был я жалок, но тогда была у меня дочь, теперь нет ее.

Людмила. Ты от меня отказываешься?

Маргаритов. Нет, нет, прости меня! я сам не знаю, что говорю. Как же мне бродить по свету без тебя? Поди ко мне, я тебя прощу, будем мыкать горе вместе, вместе оплакивать новый грех, твою слабость. О, нет, нет, я тебя не брошу! Мне самому страшно стало!... Неужели я тебя оставляю ему?... Моту, пьянице...

Людмила. Я тебя умоляю...

Маргаритов. Вору.

Людмила. Умоляю тебя.

Николай. Замолчи, старик!

Маргаритов. Чужим горем живет он, чужими слезами. Мать, брат в поте лица работают, а он пропивает их выстраданные копейки. Да какие деньги у бедной семьи? Разве их на разврат хватит? Нет ли еще где бедных тружеников попроще? И тех обобрать, пусть они плачут да горе мычат. Что ему за дело до чужих слез! Ему веселье нужно. Дитя мое, поди ко мне, уйдем от них!

Николай. На вашу брань я бранью отвечать не буду, вы очень стары. Без брани, но гораздо большее я накажу вас за вашу несправедливость. *(Людмиле.)* Не к нему, а ко мне подите! Ко мне сюда. *(Ударяет себя в грудь.)* Меня надо утешить, я обижен и обижен напрасно.

Маргаритов. О чудовище! Людмила, беги! Ко мне, ко мне!

Людмила. Папа, я пойду...

Маргаритов. Иди ко мне, иди!

Людмила. Я пойду к нему. *(Подходит к Николаю.)*

Маргаритов. Стой, стой! Ты мне возвратила жизнь однажды, ты же сама и отнимаешь ее.

Людмила. Судьба связала меня с ним... что же мне делать?... Я вижу, я чувствую, что убиваю тебя... Я и сама умираю, но я... его. О, если б я могла жить для вас двоих! Оттолкни, прокляни меня, но... полюби его!

Маргаритов. Его? Его? За что? Он все взял у меня: взял деньги, чужие деньги, которых мне не выплатить, не заработать во всю жизнь, он взял у меня честь. Вчера еще считали меня честным человеком и доверяли мне

сотни тысяч; а завтра уж, завтра на меня будут показывать пальцами, называть меня вором, из одной шайки с ним. Он взял у меня последнее – взял дочь...

Николай (*подходя к Маргаритову*). Ничего я не взял у вас. Никогда ничего дурного я не сделал вам. Вот ваша дочь, вот ваш документ. (*Отдает заемное письмо Лебедкиной.*)

Маргаритов. Как, что, документ? (*Рассматривает документ на свет.*)

Дормедонт. Я говорил, что все честно и благородно.

Маргаритов. Что ж это значит? Ты не успел его продать? Тебя совесть зазрила?

Николай. Я жалею, что вам его отдал. Вы не умеете ценить благородства в других и не стоите, чтоб с вами поступали честно. Я нынче же видел Лебедкину.

Маргаритов. Зачем же этот документ был у тебя? Зачем ты его взял у Людмилы?

Николай. Я поверенный Лебедкиной; зачем мне нужен был документ, я вам не скажу... ну, положим, что мне нужна была с него копия.

Маргаритов (*подавая руку*). Извини, брат! Я горяч, я горяч... да ведь здесь сторона такая, что поневоле подумаешь...

Николай (*Людмиле*). Прощайте!

Людмила. Куда же вы? Что с вами будет? Мне страшно.

Николай. Не беспокойтесь, я решился покориться своей участи; у меня теперь есть хорошее впереди: это любовь ваша.

Входит Шаблова.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Маргаритов, Людмила, Николай, Дормедонт, Шаблова, потом Лебедкина.

Шаблова. Варвара Харитоновна Лебедкина подъехала, встречать бегу. (*Уходит в переднюю.*)

Маргаритов. Вот кстати, не заставила себя ждать.

Входят Лебедкина и Шаблова.

Лебедкина. Мне нужно видеть адвоката Маргаритова.

Шаблова. Вот он, матушка!

Лебединина. Вы адвокат Маргаритов?

Маргаритов. К вашим услугам, сударыня. Коллежский ассессор Герасим Порфирьич Маргаритов. Прошу покорно садиться!

Лебединина. Не беспокойтесь! Вам передано заемное письмо, выданное мной купцу Дороднову.

Маргаритов. Так точно, сударыня.

Лебединина. Я желаю заплатить деньги.

Маргаритов. И прекрасно делаете, сударыня! Пожалуйста.

Лебединина. Что?

Маргаритов. Деньги.

Лебединина. Дайте документ! Я только тому отдам, у кого в руках документ. Без документа я не отдам денег ни за что.

Маргаритов. Совершенно справедливо. Пожалуйста деньги, тогда и документ получите.

Лебединина. Ах, боже мой! Неужели вы осмеливаетесь сомневаться? Вот деньги! *(Бросает на стол пачку крупных билетов.)* Покажите мне документ, я хочу видеть его.

Маргаритов. Уж это порядок такой. Извольте! *(Показывает из рук заемное письмо.)* Это ваша подпись, сударыня? Вы ее признаете?

Лебединина. Что такое? Позвольте, позвольте!

Маргаритов. Вы можете не признать подпись, если вам угодно.

Лебединина. Нет, это моя рука.

Маргаритов. А в таком случае, я перечту деньги и сделаю на документе надпись. *(Осторожно пересчитывает деньги, отодвигает их от себя и расписывается на заемном письме в получении. Николай, по знаку Лебедининой, подходит к ней.)*

Лебединина *(Николаю)*. Что же это значит?

Николай. Это значит, что я давеча был осторожнее вас, за что себе очень благодарен. Я вам отдал только копию; вам бы посмотреть хорошенько.

Лебединина. Да, вот что!

Николай. Не станете ли упрекать меня?

Лебединина. Нет, не стану.

Маргаритов. Вот, сударыня, вам документ, а мне деньги. *(Передает Лебедининой документ.)* Людмила, я вчера просил у Дороднова денег на расходы, а мне он сказал: «Получи с госпожи Лебедининой, так половина твоя, потому я эти деньги считал пропащими».

Лебединина. Невежа!

Маргаритов. Действительно, невежа. Вот тебе, Людмила, половина.

Людмила. Мне, папа, мне?

Маргаритов. Тебе, тебе! бери, не бойся! Это твое приданое.

Людмила. Значит, это не мои, их надо будет отдать.

Маргаритов. Ах ты, глупенькая! Разумеется, отдать жениху.

Людмила (*Николаю*). Так вот вам! (*Отдает деньги.*)

Маргаритов. Что ты? Что ты делаешь?

Людмила. Ты сам сказал: отдать жениху. Это ему в задаток; он хочет быть твоим помощником.

Николай. Нет, писарем, только с одним условием.

Маргаритов. С каким?

Николай. Вы хороший адвокат, у вас доверенности с передоверием? Вы иначе не возьмете?

Маргаритов. Разумеется, с передоверием.

Николай. Так передоверьте мне все дела. Вы уж старый человек, вы окончили свою карьеру, а мне надо начинать.

Людмила (*обнимая отца*). Папа, тебе надо отдохнуть; мы тебя успокоим.

Шаблова (*Дормедонту*). А ты говорил, что она тебя любит.

Дормедонт (*утирая слезы*). Что ж, маменька, ничего, пущай! Я для дому. Ему хлопот будет много, по судам бегать, а я по домашней части; я, маменька, детей его будут нянчить.

Шаблова (*Лебедкиной*). Что, матушка, карты-то правду сказали, пришлось тебе заплатить.

Лебедкина. Э! Что я истрачу или заплачу, я никогда не жалею. Да и что жалеть-то! Кабы свои, а то я и эти заняла. Это все пустяки, а у меня есть серьезное дело до тебя: ты мне погадай!

Шаблова. Опять на трефового?

Лебедкина. Нет, ну его! Надоел. Не знаю, какой его масти-то положить.

Шаблова. Разношерстный, что ли?

Лебедкина. Усы другого цвету.

Шаблова. Да какого ты ни избери, какой бы он шерсти ни был, хоть и в колоде такой не найдешь, я для тебя все-таки гадать буду. Рыжему червонному королю черные усы выведу и загадаю.

Лебедкина. Ну, пойдем скорее! (*Кланяясь.*) Совет да любовь.

Маргаритов. Так и будет, сударыня! Дормедонт, пиши от меня доверенность на имя Николая Шаблова. Только не ври!

Дормедонт. В аккурате сделаю. А вы не сомневайтесь, у нас все честно и благородно.

1873